

Н. И. ХРАПУНОВ

**МАНГУПСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ТРУДАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВВ.:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЛЛЮЗИИ¹**

— Вам это не кажется интересным?

— Для собирателя волшебных сказок.

Артур Конан Дойл, «Собака Баскервилей», глава 2

Первое присоединение Крыма к России вызвало необычайный интерес к прошлому полуострова во всей Европе. Сработало сразу несколько факторов: и простое любопытство к далекой стране, оказавшейся на передовой политических событий, и всеобщее увлечение античностью, памятниками которой изобилует Крым, и усилия российских идеологов, стремившихся обосновать права на полуостров с помощью исторических аргументов, и попытки имперских чиновников и ученых предложить программу интеграции и развития полуострова, обращаясь к историческому опыту. Бурное прошлое Крыма, наряду с его экзотической природой и населением, будоражило воображение писателей, отправившихся в путь в поисках вдохновения. Нужно было нанести полуостров на географические, исторические, этнографические, экономические карты, дать названия его природным и социальным феноменам, инвентаризовать его подобно тому, как в XVIII в. эту операцию проделали со всей Россией [см.: 31].

Выдающуюся роль в описании, изучении и популяризации Крыма и памятников его культурного наследия сыграли путешественники — не только ученые, но и литераторы, государственные деятели, дипломаты и просто любители. Это не удивительно, ведь для многих авторов той эпохи поездка в далекие страны была одновременно погружением в прошлое, способом его постижения [55, с. 108-151]. Мангуп, оказавшийся одним из наиболее загадочных уголков Крыма, не избежал внимания прибывших сюда путешественников и кабинетных исследователей, тех, кто положил начало академическому изучению прошлого полуострова и создал его образ, вошедший в отечественную и мировую культуру.

Современные исследователи не раз обращались к истории изучения крымских «пещерных городов», в том числе и Мангупского городища [29, с. 5-31; 54, с. 298-301; 10, с. 434-444; 15, с. 149-157; 42, с. 368-373; 49, с. 456-460; 59, с. 16-80]. Истории исследований последнего посвящена специальная работа А. Г. Герцена [9]. В этих трудах охарактеризована значительная часть записок путешественников. Очевидно, предпочтение отдавалось тем из них, которые содержали информацию о состоянии отдельных памятников, а также предлагали научно обоснованные выводы о прошлом городища. Суждения же, кажущиеся с нынешней точки зрения наивны-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в.: историко-археологическое исследование» № 15-01-00104.

ми или фантастическими, зачастую не принимались во внимание. Цель данной статьи не в том, чтобы дополнить список путешественников, оказавшихся на Мангупе и оставивших воспоминания об этом. На примере описаний данного памятника можно продемонстрировать особенности эпохи, переходной от Просвещения к Романтизму, показать, как возникали и функционировали некоторые стереотипы восприятия Крыма и его прошлого, и в какой интеллектуальной обстановке начиналось научное изучение истории и археологии юга России. Продуктивность изучения иллюзий, в реальность которых верили люди прошлого, недавно продемонстрировал У. Эко [57].

Среди крымских памятников Мангуп занимал совершенно особое место. С одной стороны, удаленное положение в стороне от основных дорог и поселений исследуемой эпохи привело к тому, что городище посещали нерегулярно. Мангуп не стал достопримечательностью, наподобие Херсонеса, пещерных сооружений Инкермана, Ханского дворца в Бахчисарае или пещерного города Чуфут-Кале. С другой стороны, в распоряжении добравшихся до Мангупа путников был крайне ограниченный, если не сказать больше, набор сведений о его прошлом. Это создавало уникальную возможность для игры ума, которую стимулировали также открывавшиеся с вершины горы живописные виды и сохранившиеся здесь циклопические постройки.

Разумеется, нельзя утверждать, что к началу российской эпохи о прошлом Крыма и Мангупа, в частности, не знали вообще ничего. К услугам путешественников были, например, работа шведа Иоганна-Эриха Тунманна, систематически излагавшая сведения о полуострове до конца эпохи Крымского ханства [37], и сочинение итальянца Виченцо Формалеони по истории Причерноморья [71]. По инициативе или при помощи российских властей были изданы труды Адама Нарушевича [25] и Гаспара Одерико [78]. И это не говоря уже о возможности непосредственной работы с античными источниками (или их французскими переводами), а также сочинением польского путешественника и дипломата XVI в. Мартина Броневского [74].

Нельзя сказать, что все путешественники были любителями истории или даже профессиональными историками. Их интересы были различны, отличался уровень таланта писателей и, тем более, жанр опубликованных работ. Среди авторов были искренне интересовавшиеся историей (Эдвард Кларк, Маттью Гатри, Иван Муравьев-Апостол, Эбенезер Хендерсон) или же те, кто умел квалифицированно, конечно, по меркам своего времени, пользоваться историческими источниками (Петер Паллас). Были среди них литераторы, усматривавшие в истории и археологии, скорее, источник вдохновения, и потому в их трудах превалировало сентиментальное и романтическое начало (Шарль де Линь, Павел Сумароков, Владимир Измайлов). Кларк использовал историю как важный аргумент для политических выводов, а Жан де Рёйи — для разработки экономических планов. Конец XVIII — начало XIX вв. было временем еще не расчлененного знания, и потому большинство опубликованных работ, в той или иной степени, сочетает в себе черты исследования в области общественных и естественных наук, литературного произведения, журналистики и политического прогноза. Следует отметить, что путешественники (и их записки) сильно зависели от традиции и потому вели диалог со своими предшественниками. Но создавая стереотипные маршруты и, тем самым, превращая отдельные памятники в достопримечательности региона, они формировали в общественном сознании определенный образ страны и ее наиболее выдающихся мест [35, с. 25, 68; здесь же очерк современных методов исследования подобных текстов].

Однако, начать хотелось бы издалека — с травелога, написанного более чем за полвека до присоединения Крыма к России, где содержатся любопытные известия

о Мангупе, и который историография обычно обходит вниманием. Ипользованные его автором способы осмысления археологических памятников оказались характерными для всей последующей эпохи.

Мангуп в записках Обри де ля Мотре

Многие детали биографии Обри де ля Мотре (около 1674-1743) остаются загадкой. Считается, что он происходил из семьи французских гугенотов, вынужденной оставить родину из-за преследований и перебраться в Англию [28, с. 44-45]. Впоследствии де ля Мотре много путешествовал. В качестве агента шведского короля Карла XII он посетил Крым, где осмотрел местные достопримечательности и заинтересовался прошлым полуострова. Путешественник собрал коллекцию древностей, главным образом, монет. В декабре 1711 г. он, объезжая окрестности Бахчисарая, получил некоторые сведения о Мангупе. Записки о своих путешествиях де ля Мотре опубликовал более чем через десять лет. Судя по всему, путешественник прекрасно говорил по-французски и по-английски, поэтому его сочинение было издано на обоих языках (английское издание вышло первым).

В описании Мангупа в двух этих версиях имеется существенное различие². Во французской сообщается, что путешественник побывал на Мангупе, «где нет ничего интересного, кроме древней цистерны» [77, р. 47]. В английской же (первой) публикации сообщается, что на Мангупе имеется «большая древняя цистерна, похожая на те, что оставили римляне в нескольких других местах». Кроме того, английский текст можно понять таким образом, что на Мангупе путешественник не был — ему лишь рассказали о нем во время поездки на Чуфут-Кале, назвав цистерну главной та-

² Такие отличия между разноязычными версиями источника встречаются регулярно. Характерный пример — описание османской крепости Ени-Кале, находившейся в восточной части Крымского полуострова, на берегу Керченского пролива [о памятнике см.: 2, с. 69-107]. В английском варианте приставленный к де ля Мотре переводчик — ренегат (очевидно, перешедший в ислам) итальянец — говорит о том, что план крепости выполнен его собственными соотечественниками, то есть итальянцами. Вот его точные слова (выделенные квадратными скобками пояснения принадлежат автору статьи): «Я обнаружил, что стена [Ени-Кале] очень толстая, из прочного камня. Но те, кто может судить [об укреплениях, т. е. специалисты], полагают, что укрепления эти — совсем неправильной [формы], как сказал мне этот итальянец, разыгрывавший из себя такового [специалиста по фортификации]. Более того, он заявил, что план их нарисовал один его соотечественник. Но при исполнении его [плана] против того [итальянского чертежника/инженера] выступил инженер-турок. И в самом деле, почти повсеместно еще можно увидеть [следы] вмешательства турецкой манеры, как бы конфликтовавшей с манерой христианской» [76, р. 38]. Во французском же издании текст изменился, в результате чего автором плана крепости стал уже не итальянец, а несколько безымянных соотечественников самого де ля Мотре. Поэтому, когда путешественнику укрепления показались нерегулярными, его спутник не без иронии заметил, что таковыми их сделали усилия соплеменников собеседника. По словам де ля Мотре, «Я обнаружил, что стены [крепости Ени-Кале] очень толстые, а камни прочные, и поскольку я не претендую на роль знатока в этой области, то сказал ему [переводчику-итальянцу], что считаю эти укрепления нерегулярными в сравнении, как мне кажется, с другими виденными мною. Он же ответил, что план [укреплений] создан моими собственными соотечественниками, но приведен в исполнение инженером-турком. В результате здесь почти везде до сего дня заметно столкновение турецкого вкуса и [вкусов] христиан» [77, р. 59-60]. Вероятно, использованием разных версий записок де ля Мотре объясняется тем обстоятельством, что в историографии участниками строительства Ени-Кале называют иногда французов, а иногда и итальянцев [2, с. 75-76]. Изменения же, которые внесли в план укреплений турки, могли быть вызваны их желанием приспособить укрепления к особенностям местности [ср.: 2, с. 105-107].

мошной достопримечательностью [76, р. 28]. Если так, становится понятно, отчего де ля Мотре, живо интересовавшийся памятниками прошлого, ничего не сказал об укреплениях Мангупа или о развалинах дворца в цитадели города. Издавая же французский текст, он мог позабыть, что не был на Мангупе, но лишь слышал о нем, и потому употребить не вполне корректное выражение. Упомянутая им «цистерна» могла оказаться одним из чанов для дубления кожи, высеченных из цельного камня, которыми пользовались жившие на Мангупе караимы [8, с. 26]. Путешественник уподобил мангупскую цистерну римским конструкциям, но такая аналогия не удивительна, ведь и в это время и позднее в Крыму искали следы античной культуры даже там, где их быть не могло. Так, Эдвард-Даньел Кларк (1769-1822) уловил сходство между кладкой каменного моста близ Старого Крыма, виденного им в 1800 г., и этрусскими постройками [47, с. 839], а его добрый знакомый Реджинальд Хебер (1783-1826), прибывший на полуострове шесть лет спустя, отыскал параллели между местными мечетями и храмами древних Афин [45, с. 259]. Подобные аналогии возникали не только в Крыму. Например, оказавшийся в Петербурге англичанин Уильям Ричардсон сравнил русские представления о днях рождения с рассказом Геродота о египтянах, тогда как русская зима заставила его вспомнить о Вергилии [14, с. 19, 38-43]. Много лет проживший в Петербурге шотландский врач Маттью Гатри (1743-1807) обнаружил у русских этнографические черты, которые те заимствовали у древних греков, с которыми якобы контактировали в Поднепровье [53, с. 165]. Все это не удивительно, если вспомнить, что на рубеже XVIII-XIX вв. античность становилась модной, и ее стали осознавать как колыбель западноевропейской цивилизации [69, р. 63-88]. Де ля Мотре же предвосхитил эти представления, а Мангуп дал путешественнику повод продемонстрировать образованность и широту кругозора. Впоследствии такое повторялось не раз.

Мангуп и Херсонес

В 1786 г. капеллан британской колонии в Петербурге Уильям Тук (1744-1820) отправил в английский журнал «Gentleman's Magazine» серию писем, рассказавших читателям о своем путешествии по России. Фактически, Тук оказался первым англичанином, опубликовавшим известия о Крыме после его присоединения к России [о нем см.: 21, с. 118, 123-128]. Правда, до самого полуострова путешественник так и не добрался. В Азове он якобы повстречал соотечественника, недавно побывавшего в Крыму, который и стал источником информации о новом приобретении России [85, р. 648]. На самом же деле, значительную часть сведений о Крыме Тук позаимствовал из сочинения русского путешественника Василия Зуева (около 1754-1794), ездившего по Крыму в 1782 г. [16]. Быть может, с помощью этой мистификации Тук пытался добиться большего доверия у английских читателей. В любом случае, он дополнил сведения о Крыме другими материалами, в частности — рассказом о присоединении полуострова к России и некоторых последствиях этого события.

Среди прочего, перечисляя «достопримечательные места» полуострова, Тук отнес к их числу «Мангуп — древний Херсонес» [85, р. 648; cf. p. 848, 1013-1014]. В этом отрывке Тук переработал информацию Зуева, который Мангуп от Херсонеса, конечно же, отличал [см.: 16, с. 281]. Но дело здесь вовсе не в том, что англичанин запутался в переводе. Его слова отражают то обстоятельство, что в конце XVIII в. местоположение исторического Херсонеса представляло еще загадку [подробнее: 51]. Именно поэтому Екатерина II, доверившись мнению В. Н. Татищева, считавшего, что город, в античности называвшийся Херсонесом, а в византийское время — Херсоном, находился в низовьях Днепра, передала его название вновь основанной там крепости, нынешнему областному центру юга Украины. Другие авторы локализова-

ли Херсонес в западном Крыму — на месте нынешней Евпатории, или же на востоке полуострова — в Феодосии. Бытовала даже легенда, очевидно, выдвинутая кем-то из местных жителей, что одна из феодосийских мечетей (вероятно, самая большая в городе, не дошедшая до наших дней Султан-Селим-Джами, иначе — Муфти-Джами) представляла собой перестроенную церковь, где некогда крестился киевский князь Владимир, как известно, ходивший в поход на Херсон.

Справедливости ради, нужно отметить, что некоторые современники конца XVIII — начала XIX вв. помещали Херсонес уже на территории нынешнего Севастополя, то есть там, где он и находился в реальности. Среди этих авторов были не столько путешественники и исследователи, сколько военные и топографы, а потому их мнение оставалось не слишком популярным. Лишь благодаря специальным разысканиям, предпринятым, по инициативе Григория Потемкина, архиепископом Евгением Булгарисом (1715-1806), чиновником Карлом Габлицом (1752-1821) и подполковником Бальдани действительное положение Херсонеса было не только установлено, но и стало общеизвестным. При этом многие, в том числе и Габлиц, думали, что древний город занимал едва ли не всю территорию Гераклеяского полуострова, тогда как стены на берегу нынешней Карантинной бухты окружали лишь херсонесскую цитадель [37, с. 29-30; 5, с. 11 и карта 1; 6, с. 158-159 и карта; 73, р. 347]. Иначе говоря, сельскую округу Херсонеса, его хору, с разбросанными на ней постройками разного назначения, воспринимали как часть города.

Опровергнуть эти представления удалось только в начале XIX в. благодаря трудам прославленного исследователя Петера Палласа (1741-1811) и консультировавшегося у него французского агента Жана Рёйи (1780-1810) [27, с. 40-49; 82, р. 122]. При этом осматривавший окрестности Севастополя в компании Палласа знаменитый Кларк похоже, совершенно запутался, поместив на месте Херсонесского городища Страбонов Евпаторий, а сам Херсонес — на противоположном, восточном, берегу Карантинной бухты. На картах же, приложенных к его книге, и предполагаемый Евпаторий, и Херсонес сдвинулись еще дальше к востоку, на территорию между Карантинной и Артиллерийской бухтами. К тому же Кларк упоминает две башни, которые Паллас видел на территории Херсонесского городища, но локализует их в «своем» Херсонесе, то есть на противоположном берегу бухты. Трудно избежать предположения, что записи и натурные зарисовки Кларка оказались весьма неточными, а память подвела путешественника, и потому при подготовке его книги к печати возникла такая путаница [64, р. 210-212; см. также нумерованные карты «Древностей Крыма» и «Ахтиарской бухты»].

Таким образом, размышления Тука (или его информатора) о Херсонесе на Мангупском плато были не столько курьезом, сколько отражением хаоса гипотез и предположений, существовавших при изучении исторической географии Крыма в конце XVIII — начале XIX вв. Совершенно не понятно, чем руководствовался Тук (или же опять его информатор), предлагая оригинальную локализацию Херсонеса. Важно, что сами остатки древней крепости на вершине Мангупского плато, провоцировали исследовательский интерес, который наталкивался на слабое знание источников, а циклопические размеры развалин заставляли предполагать здесь наличие прославленного в прошлом города.

Суждение Тука не вызвало какой бы то ни было реакции в последующей историографии. Путешественник проигнорировал очевидный факт, что Херсонес, в отличие от Мангупа, лежал на морском берегу. Но, как станет ясно по одному из приведенных ниже сюжетов, в представлениях многих авторов эпохи в не столь отдаленном прошлом Крым лежал на морском дне, а поднимавшиеся над волнами вершины гор образовывали небольшой архипелаг, обитатели которого и соорудили «пещерные города».

Мангуп и историческая география Крыма

Уильям Тук был не единственным, кто допустил ошибку в рассуждениях о древних городах Крыма. Неточностей такого рода не удалось избежать, пожалуй, никому. Крым, на территории которого в древности и в эпоху средневековья возникло множество топонимов греческого, иранского, тюркского и иного происхождения, давал любопытным авторам редкую возможность попытаться упорядочить этот топонимический хаос и нанести соответствующие географические пункты на карты. Не случайно именно карты стали основой изданного за собственные средства исторического сочинения Карла Габлица, текст которого был лишь, по сути, пояснением к чертежу [5]. Впрочем, значительную часть сведений, в том числе историческую справку о Мангупе, он переписал у Тунманна [ср.: 37, с. 29-39]³. Все прочие авторы, как правило, не избегали соблазна поговорить о древних названиях.

Характерны слова Маттью Гатри, считавшего, что в античности город Мангуп назывался «Табана» [72, р. 86]. И действительно, по сообщению географа II в. н. э. Клавдия Птолемея, древняя Табана находилась в глубине Крымского полуострова [19, с. 248]. Эту мысль Гатри, несомненно, почерпнул у Клода-Шарля де Пейссоннеля (1727-1790), который в 50-х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный труд об этнической истории Причерноморья. Основанием для его умозаключения послужило сходство названий из античного географического сочинения и современного Пейссоннелю имени балки, по которой пролегал подъем на Мангуп [80, р. 106-107]. Последнее название переводится с тюркского как «кожевенный овраг» [3, с. 211, ср. там же: с. 60] и, следовательно, не имеет отношения к античной топонимике.

Этот случай вполне обычен для эпохи, когда историческая лингвистика делала лишь первые шаги, и поэтому сходство географических и этнических названий представлялось важнейшим, если не единственным аргументом для авторов того времени. Множество примеров такого рода возникало на крымской земле. Достаточно вспомнить, что само название полуострова пытались увязать, через наименование города Эски-Крым (Старый Крым), с созвучными античными населенными пунктами, например, Кареей, Кремнами или Киммериком, а также с древними этнонимами — киммерийцами и кимврами [подробнее см.: 47, с. 837-841].

Возвращаясь к сочинению Гатри, сегодня можно считать установленным, что шотландец писал свою книгу не по итогам личного посещения Крыма, но на основе сочинений других авторов. Описанное им путешествие оказалось вымышленным [53, с. 159-160]. Поэтому не должно удивлять, что у него Мангуп помещался на вершине горы над долиной Мариамполь близ Успенского монастыря в Бахчисарае [72, р. 86-87], то есть примерно километрах в 20 по прямой линии от

³ Нужно отметить, что сочинение Тунманна не раз служило путешественникам по Крыму источником вдохновения. Они беззастенчиво, и, в большинстве случаев, не указывая автора, переписывали большие или меньшие его фрагменты. Именно так поступила, например, автор широко известных путевых записок англичанка Элизабет Крейвен (1750-1828). Ее книга о путешествии из Петербурга в Константинополь представляет собой подборку из 48 писем, которые она писала, держа в уме будущую публикацию [21, с. 383], а еще, вероятнее, уже после возвращения из поездки, на основе дневника, который вела в пути. В результате, сведения об истории Крыма Крейвен попросту переписала, с некоторыми сокращениями и опечатками, из работы Тунманна, не забыв упомянуть о существовавшем на полуострове до османского завоевания княжестве Готия, «ныне называемом Мангуп» [65, р. 143-151; ср.: 37, с. 17-21]. Подобный прием использовали многие авторы того времени, очевидно, не видевшие ничего постыдного в «научном плагиате».

реального местонахождения городища. Такую ошибку мог сделать лишь тот человек, кто либо никогда не был в Крыму, либо основательно подзабыл подробности своей поездки.

Мангуп и генуэзское наследие

У путешественников, оказавшихся на Мангупе, либо просто описывавших его со слов местных жителей или по опубликованным уже известиям, не мог не возникнуть естественный вопрос — кто же были те люди, устроившие крепость на неприступной горной вершине? Местное предание связывало историю Мангупа со средневековыми генуэзцами, которые вскоре после османского завоевания Крыма сделались поистине народом легендарным. Не случайно османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби (1611-1679/1682), очевидно, доверившись своим местным информаторам, писал, что генуэзцы были хозяевами нескольких крепостей (в реальности, конечно, никогда им не принадлежавших), в том числе Херсонеса и Мангупа [56, с. 67, 75]. Это свидетельствуют о том, что в его время бурные события XV в. уже основательно подзабылись. Позднее французский «кабинетный» историк середины XVIII в. Жозеф Дегинь (1721-1800) назвал Мангуп последним убежищем генуэзцев во время османского завоевания Крыма [66, р. 378-379]. Его источники, однако, остались не известными.

По-видимому, именно традиция, берущая начало от местных жителей, привела к тому, что многие европейцы считали Мангуп, наряду с некоторыми другими «пещерными крепостями», делом рук генуэзцев или, по крайней мере, местом, которым те владели в течение длительного времени [62, р. 3; 52, с. 404; 27, с. 63; 82, р. 134, 234; 63, р. 190; 73, р. 312]. Наверняка способствовало этим представлениям и известное сходство между циклопическими стенами Мангупа и укреплениями генуэзских крепостей в Чембало (Балаклаве), Судаке и Кафе (Феодосии). В пользу этого предположения говорят, например, слова Джеймса-Эдварда Александера (1803-1885), британского офицера, который не упустил возможности осмотреть крымские достопримечательности летом 1829 г. и назвал поездку на Мангуп *«одной из самых интересных экскурсий, мною предпринятых»* [60, р. 268]. Не будучи специалистом, но являясь по натуре человеком добродушным и внимательным [о нем см.: 40], к тому же профессиональным военным, он не стал вдаваться в подробности истории Мангупа, заметив, что, поднявшись на плато, путники *«миновали величественные остатки зубчатых стен генуэзской архитектуры»* [60, р. 270]. Как видим, мысль о генуэзских строителях Мангупа не противоречила знаменитому британскому здравому смыслу.

Сочинения конца XVIII — начала XIX в. свидетельствуют о том, что генуэзцам приписывали либо вообще не существующие сооружения, либо те, к которым они не могли иметь отношения. Так, один из сопровождавших Екатерину II в ее знаменитом путешествии на Юг в 1787 г., дипломат граф де Людольф, умудрился обнаружить генуэзские гербы на утесах, окружавших Бахчисарайскую долину [21а, с. 163]. Разумеется, никаких гербов там никогда не было. Кажется, путешественник что-то слышал о «пещерных городах» в окрестностях ханской столицы и мысленно перенес их поближе к тому месту, где находился сам. Когда через два десятка лет новороссийский губернатор герцог Арман де Ришельё поручил Габриэлю де Кастельно д'Орос (1757-1826) написать труд об истории и современном состоянии Новороссийского края, тот, вероятно, в качестве предварительной публикации анонимно издал шесть «Писем путешественника по южным провинциям России» [35а, с. 12-14]. В них он, в частности, приписал генуэзцам несколько величественных сооружений, сохранившихся в городе Старый Крым, и среди прочего — хорошо сохранившийся

фонтан [73а, р. 90]. Сегодня совершенно очевидно, что это были памятники мусульманской архитектуры, но люди эпохи Просвещения об этом еще не знали.

Многие исследователи Крыма полагали, что генуэзцы сыграли в его истории особую, положительную роль. Причиной были господствовавшие тогда в западно-европейской мысли представления о понятии цивилизация. В традициях Шарля де Монтескье и Адама Смита торговле уделялось в это время особое внимание, ведь классики именно ее полагали двигателем прогресса. Генуэзцы же, как «торговая нация», осмысливались как носители творческого начала, прогресса и западной цивилизации, в противоположность туркам и татарам. Суждения такого рода можно обнаружить, например, в уже упоминавшемся сочинении Маттью Гатри, а также в трактате французского дипломата Жана де Рёйи (1780-1810), посетившего Крым в 1803 г. Последний использовал историю как аргумент, позволявший выявить текущие проблемы в развитии Крыма и обозначить перспективные направления его экономики и торговли [53, с. 163, 165-166; 50, с. 594-595]. Кто, как не «прогрессивные» генуэзцы, мог основать удивительную крепость в поражающем воображение месте?

Впрочем, иногда на роль строителей Мангупа предлагали и других жителей Крыма. Так, Зуев решил, что генуэзцам «достались от греков» многочисленные города, в том числе Мангуп и Херсонес [16, с. 281, 289]. Мысль о греках как строителях Мангупа, которых сменили генуэзцы, можно встретить и у Кларка [64, р. 276-277]. В обоих случаях путешественники, возможно, основывались на словах польского дипломата Мартина Броневского, побывавшего в Крыму в конце XVI в. Последний говорил об обитавших на Мангупе некоторое время (до османского завоевания) «греках-христианах», то есть жителях Крыма византийского времени, исповадовавших православие [74, р. xiii]. В результате в записках путешественников образ греков-эллинов сливается с образом греков-православных, и они предстают в виде единой культуры, непрерывно существовавшей на протяжении тысячелетий.

Гавриил Гераков (1775-1838), посетивший Крым несколькими десятилетиями спустя, в 1820 г., рассказал похожую историю о другом «пещерном городе» Чуфут-Кале, где якобы сначала жили греки, а потом генуэзцы, ссылаясь на караимские предания. Впрочем, он хорошо понимал сомнительность такого рода сведений [7, с. 29]⁴. В любом случае, к тому моменту в рассказах о «пещерных крепостях», очевидно, устная традиция успела перемешаться с учеными умозаключениями, так что определить истоки подобных утверждений уже вряд ли возможно.

Иногда предполагаемыми предшественниками генуэзцев на Мангупе считали — и, конечно, с куда большим основанием, — готы [72, р. 86; 5, с. 33; 17, с. 9-11]. Сведения об этом брались из классической работы Тунманна, который, однако, о генуэзцах в данном контексте ничего не говорил [37, с. 31-32].

Вполне оригинальное суждение высказал Павел Сумароков (1767-1846), описавший свою жизнь в Крыму в начале XIX в. Будучи не историком, а литератором, автором сочинения в модном «сентиментальном» жанре, он, конечно, отталкивался от исторических сведений, собранных его предшественниками. Сумароков предложил оригинальную версию происхождения Мангупа и некоторых других «пещерных» памятников: *«не готы ли, сие отродие скифов, озаренные уже христианской верой и бывшие в малом здесь числе, найдя выход себе из Тавриды загражденным от меня»*

⁴ Гераков ссылаясь на слова «стариков караимов». Караимы, тем не менее, говорили разное. Так, в 1825 г. путешествовавший по Крыму Александр Грибоедов (1795-1829) услышал от караимского «рабина» с Чуфут-Кале, что «пещерные города», включая Мангуп, построены хазарами, *«которые прежде назывались готами»* [11, с. 333]. Как бы то ни было, эти «предания» вполне могли оказаться пересказом известий ученых авторов конца XVIII — начала XIX вв.

ющихся в ней повелителей сармат, гуннов, хазар и половцев, поселились ради безопасности своей на тех громадах» [33, с. 49]. В этом отрывке интересны два момента. Во-первых, характерное противопоставление степняков — грабителей и варваров — оседлым христианам. Во-вторых, предположение о родстве между готами и скифами. Оно было естественным для поры, когда основные этнические процессы, такие как миграция и ассимиляция, еще не были сформулированы. Важнейшим, хотя и не единственным, свойством народа полагалось его название [31, с. 124-128], а потому этнология эпохи Просвещения фактически сводилась к поиску современных соответствий древним этнонимам [4, с. 422-428]. Предполагалось, что в ходе исторического процесса народы не исчезают бесследно, а как бы перетекают друг в друга, меняя только имена. В итоге скифов, например, европейские авторы XVIII в. находили по-прежнему в Восточной Европе, отождествляя их с самыми разными современными им народами [см.: 4]. Образ скифов был хорош тем, что каждый мог увидеть в нем что-то свое, причем этнографические представления зачастую невозможно отделить от литературной или политической метафоры, как, например, у того же Кларка [46, с. 119-123]. Поэтому естественно и умозаключение Сумарокова, что раз уж и скифы, и готы некогда занимали примерно одну и ту же часть Крымского полуострова, то одни были потомками других. Сегодня мы назвали бы это «примитивным автохтонизмом»⁵.

Нельзя не отметить еще одно сочинение, показывающее, как за несколько десятков лет эволюционировала методика исследования памятников, в результате чего происходил отказ от «аналогии по созвучию». Таковым является книга швейцарского путешественника Фредерика Дюбуа де Монперё (1798-1850), работавшего в Крыму в начале 30-х гг. XIX в. Он предположил, что создателями Мангупского городища могли быть тавроскифы, и связал его с известным по событиям конца II в. до н. э. скифским царем Скилуrom. Швейцарец исходил, прежде всего, из стратегически выгодного положения крепости и легкости сооружения здесь укреплений. Дюбуа полагал, что именно на Мангупе могла находиться упомянутая Страбоном (*Geogr.* 7. 4. 7) крепость Хабон (Хабей), построенная тем же Скилуrom [68, р. 285-286]. Проблема локализации принадлежавших Скилуру скифских крепостей стала актуальной в связи с открытием в 1827 г. на окраине Симферополя городища Керменчик, которое предположительно увязали с «третьей крепостью Скилура» — Неаполем [36; 44]. Этому сюжету посвящен раздел в книге Дюбуа, который вел исследования на развалинах древнего города и в его окрестностях [68, р. 378-388].

Рассуждая о древнем названии и обстоятельствах возникновения крепости на Мангупском плато, путешественник следовал той же логике, что и его предшественники. Он пытался заполнить лакуны в истории Крыма с помощью известных памятников археологии, в условиях, когда не были еще накоплены достаточные сведения для выделения археологических культур и создания археологической периодизации. Но, как видим, Дюбуа уже отказался от отождествления современных памятников и древних географических пунктов на основании простого созвучия, а также попытался вывести их историю за пределы средневековья. Между прочим, строителями других «пещерных городов» Дюбуа называл тавров [68, р. 218]. Значит, он уже понимал,

⁵ По-видимому, подобные воззрения были свойственны и поляку, католическому Могилевскому архиепископу Станиславу Сестренцевичу-Богущу (1731-1826). Он приезжал в Крым вскоре после присоединения к России, по поручению Григория Потемкина. Ему, знавшему древние языки, было поручено составить историю полуострова. В текст повествования ученый священник вплелал свои воспоминания о поездке. И, в частности, рассказывая о Мангупе, заметил, что народ готов — владыка крепости, «сохранял власть над Тавридой на протяжении четырех тысяч лет» [84, р. 255].

что эта группа памятников в целом не является единой. Возникновение «пещерных городов» может быть связано с различными историческими обстоятельствами.

Как видим, большинство путешественников и исследователей предпочитало не оставлять лакуны в истории Мангупа, дополняя своими фантазиями те места, где не хватало сведений источников. На этом фоне выделяется мнение Ивана Муравьева-Апостола (1762-1851), совершившего в весьма почтенном возрасте путешествие в Крым в 1820 г. В своем сочинении автор объединил жанры путевых записок и исторического исследования, попытавшись критически оценить данные письменных источников о памятниках Тавриды и связать их с видимыми на местности развалинами [55, с. 139-151].

Осмотрев Мангуп, Муравьев-Апостол отверг все реконструкции его истории до XV в., включая предположения о господстве готов и гунуэцев, усмотрев противоречия в рассуждениях коллег на фоне недостатка источников. Вывод, к которому пришел путешественник, соединил язык литературы сентиментализма с корректностью ответственного исследователя, признавшего неразрешимость проблемы: «Что же такое Мангуп? — Отчаяние мое. Выезжать из него скорее, ибо ничего нет досаднее, как неудовлетворенное любопытство» [24, с. 182-189].

Мангуп и легенды о «всемирном потопе»

В 1641 г. знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби впервые посетил Крым. В тот раз ему не удалось подробно исследовать полуостров [56, с. 6]. В связи с этой поездкой в самом начале его книги появились слова о том, что Черное море представляет собой остаток Ноева потопа. Тогда значительная часть его нынешних берегов скрывалась под морскими волнами. Среди прочих мест свидетельства этого были обнаружены на Мангупе, который представлял собой замок, находившийся в одном дне пути от Бахчисарая, на высокой скале. Здесь до времени Эвлии сохранились каменные столбы, к которым в прошлом привязывали корабли [70, р. 6]. Ясно, что путешественник основывался на каких-то местных преданиях. Любопытно, что после того, как в 1666-1667 гг. Челеби подробно ознакомился с Крымом и составил его подробное описание, в рассказе о Мангупе ничего подобного уже не повторилось [56, с. 7-8, 75-80].

Полтора века спустя, описывая Мангуп, Петер Паллас заметил, что лежавшую у его подножья долину татары называют «Филегус» («Philegus»), а греки «Пеллагос» («Pelagos»), и что она, вероятно, в прошлом была дном озера («Insee»), которое впоследствии прорвалось сквозь окружавшие долину горы. На это предположение исследователя натолкнула структура рельефа местности [79, S. 120-121; ср.: 27, с. 63-64]. Последователи Палласа обратили внимание на сходство упомянутого им названия долины с греческим словом «πέλαγος» — «(открытое) море» [20, с. 270; 22, с. 403]. Заметим, что с точки зрения современной ономастики эта этимология не верна. Название долины, вероятно, происходит от новогреческого «πλαγίως» — «склон горы» [3, с. 69, 106]. Однако связь с морем поддерживали еще и передаваемые местными жителями легенды о кольцах, каменных или железных, укрепленных высоко над землей в мангупских скалах, служивших в незапамятные времена, когда уровень моря был выше нынешнего, для привязывания лодок [18, с. 42-45]. Еще больше историй о подобных кольцах, зачастую дополненных разного рода красочными подробностями, рассказывали о других «пещерных городах» и вообще о крымских горах, например, долине Бахчисарая.

Едва ли не первым поведал о них дворянин венгерского или словацкого происхождения барон Франсуа (Ференц, Франтишек) де Тотт (1733-1793). Он был фран-

цузским консулом в Крыму в 1767-1769 гг. [67; 13] и впоследствии издал книгу о своих приключениях в Татarii и Турции, впрочем, полную разного рода небылиц [81; 83]. Путешественник обратил внимание на то, что крымские скалы состоят из осадочных пород и несут следы, которые он счел результатом воздействия воды (в реальности же бывшие следствием выветривания). Рассказывая о том, как в обществе одного крымского татарина он осматривал окрестности ханской столицы, де Тотт пишет: *«Я прогуливался в обществе этого человека по ущельям, примыкающим к тому, где расположен Бахчисарай. Я заметил железное кольцо, находившееся на вершине неприступной скалы, нависавшей над этим ущельем и запиравшей его своим изгибом. Я спросил у своего татарина о назначении этого кольца. „Думаю, что оно служило, — спокойно ответил он мне, — для крепления судов, поскольку море, омывая эти скалы, образовало порт в этом ущелье.“ Я был поражен...»*. Путешественник, конечно же, обрадовался тому, что его собственные выводы совпали с мнением туземца [86, р. 99]. Впоследствии подобные крымскотатарские предания пересказывали и другие путешественники⁶. Они старались соединить их с библейской легендой о Ноевом потопе, с рассказом античных авторов и, прежде всего, Диодора о том, что Черное море в далеком прошлом было замкнутым водоемом, пока его воды не прорвалась в Средиземноморье, затопив прибрежные страны. Популярности этих представлений способствовал авторитет знаменитого французского естествоиспытателя Жоржа-Луи де Бюффона, увидевшего в рассказе Диодора рациональное зерно. Так авторы описаний Крыма соединяли воедино личные наблюдения, крымскотатарские легенды и сведения античных авторов [подробнее: 43, с. 81-82].

Заметим, впрочем, что не все были согласны с подобной интерпретацией загадочных колец. Так, Эдвард Кларк, отвергнувший «причальную» версию как явную нелепость, взамен выдвинул не менее экстравагантную. По его мнению, к кольцам на противоположных сторонах Бахчисарайской долины прикрепляли канат, на котором в дни праздников устраивались представления акробатов на потеху крымским ханам [64, р. 187]. А Пирс-Бальтазар фон Кампенгаузен (1746-1808), состоявший при Потёмкине в роли секретаря для иностранной переписки и оставивший любопытное описание Крыма, рассказал не только о причальных, но и о других кольцах. Как и многие современники, Кампенгаузен занялся поисками храма таврической Дианы (херсонесской Девы), который античные авторы помещали где-то на южных берегах Крыма [об этих поисках см.: 39, с. 48-51; 42, с. 373-375]. Ему удалось отыскать какие-то развалины (точное местоположение их не ясно), среди которых был *«прекрасный кусок мрамора, украшенный барельефами самой совершенной работы; этот блок составлял часть алтаря, и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву»* [61, S. 112]. Как видим, на место одних фантазий легко приходили другие. В реальности же кольца в скалах имели вполне прозаичное назначение — их использовали для привязывания животных, крепления деревянных конструкций и пр. [58, с. 35-36].

⁶ Во второй половине XIX в. предания о море, некогда покрывавшем большую часть Крыма, распространились среди крымских караимов [22, с. 403]. Правда, нельзя исключить, что они заимствовали его у своих соседей, татар. Между прочим, если верить Евгению Маркову (1835-1903), автору неоднократно переиздававшихся «Очерков Крыма», одним из источников подобных крымскотатарских легенд могла быть народная этимология названия «Черкес-Кермен», обозначающего пещерный город, также известный как «Эски-Кермен». Проводники рассказывали ему, что название города происходит от слова «денгис», которое по-татарски означает «море», так как *«в кругом горы в древности было море»* [22, с. 400]. В действительности этимология этого названия связана с северокавказскими черкесами [3, с. 138].

Мангупское городище и европейская политика

Успехи Российской империи в Причерноморье во второй половине XVIII в., включавшие бескровное присоединение Крыма, шокировали представителей Западной и Центральной Европы. Монтескье однажды заметил, что в середине правления Людовика XIV, то есть к концу XVII в., *«Москва была в Европе столь же мало известна, как Крым»* [23, с. 122]. Полуостров в данном случае выступил как синоним «белого пятна» на карте, а значит, из почти не известной и почти ни на что не влиявшей страны Россия менее чем за столетие превратилась в одного из ключевых игроков мировой политики. Западноевропейцам пришлось не только вносить изменения в свои внешнеполитические доктрины, но и пересматривать свои взгляды на Россию, ее культуру и историческую миссию [12, с. 164-172; 32; 26, с. 125-136]. Своё видение решения этой проблемы предлагали не только политики, но и философы, ученые, литераторы. Удивительным образом в дискуссию оказались вовлечены и памятники культурного наследия полуострова, в частности, находившиеся на Мангупе.

Рассказывая о поездке на Мангуп, Эдвард Кларк заметил: *«...мы обнаружили остатки церквей и других общественных зданий, среди руин; они сохранились гораздо лучше, чем можно было ожидать в Российской империи — это объясняется их труднодоступностью»* [64, р. 279]. Этот неожиданный вывод вытекал из логики его сочинения. Кларк, особенно интересовавшийся памятниками прошлого и посвятивший их изучению значительную часть своего труда, использовал их судьбу в качестве аргумента, доказывающего «варварство» и «нецивилизованность» русских [подробнее: 46]. По его мнению, русские повсеместно занимались целенаправленным уничтожением памятников археологии. Это обвинение, очевидно, должно было шокировать читателей, которые, как уже говорилось, считали античность колыбелью европейской цивилизации. Нет никаких сомнений в том, что заброшенные постройки в Крыму постепенно разрушались под воздействием антропогенных и природных факторов. Но, кажется, Кларк был единственным, который попытался использовать вопрос об их сохранности в политических целях. Вывод, сделанный им, сводится к тому, что покорение Крыма было делом несправедливым, русские установили здесь свои «тиранические порядки» и принесли лишь страдания местным жителям. Потому европейским державам следовало бы послать войска, дабы вернуть полуостров Высокой Порте [64, с. 268-270].

Размышления о геополитических последствиях присоединения Крыма встречаются у многих авторов рубежа XVIII-XIX вв. Французы Шарль де Бар, Жан Рёйи и некоторые другие рекомендовали использовать открывшиеся в результате этого события возможности в интересах французской торговли. Крым мог стать плацдармом для проникновения французских товаров во внутренние губернии России и далее, в глубины Азии [48]. С другой стороны, в окружении Наполеона обсуждался проект создания на границах России барьера из зависимых от Франции стран. Среди них должно было быть возрожденное крымскотатарское государство, по версии, разработанной польским генералом Михалом Сокольным, объединенное с запорожскими казаками и получившее, вместо «оскверненного» русскими названия «Таврида», имя «Наполеонида» [1, с. 286-287, 290-291, 500-501, 508]. Впрочем, к практической реализации этого проекта так и не приступили. Быть может, Наполеон счел Крым более пригодным к роли «взятки» для османов. В феврале 1807 г. на неудачных переговорах о заключении союза с Высокой Портой Франция обещала туркам помощь в отвоевании Крыма, не исключая и прямой военной интервенции [30, с. 17, 56-58]. Как видим, в некоторых случаях взгляды на Крым традиционных антагонистов — англичан и французов — могли совпадать.

Как бы то ни было, из слов Кларка следует, что он оценил степень сохранности мангупских памятников как удовлетворительную, и, во всяком случае, превосходившую состояние других объектов в Крыму. О том, что разрушения были, но оставались не столь значительными на фоне проблем других памятников, свидетельствует и отчет художника Эжена Паскаля — участника экспедиции академика Кёлера в Крым в 1821 г. [34, с. 395-396].

Как известно, поначалу Шерлок Холмс считал легенду о проклятии Баскервильей волшебной сказкой. Позднее, правда, выяснилось, что именно эта история, вымышленная или нет, подсказала коварному негодяю план изощренного преступления. Многие рассказы путешественников о Мангупе, на первый взгляд, кажутся сказочными, ничуть не более достоверными, чем баскервильский документ. Но именно они отражают особенности восприятия прошлого в эпоху, переходную от Просвещения к Романтизму. В этом и заключается их ценность для истории изучения прошлого Крыма и, шире, образа полуострова в общественном сознании.

Интересно сравнить описание Мангупа с образом других крымских памятников в сочинениях исследуемого периода. В случае с Херсонесом, история которого заметно богаче обеспечена доступными в ту эпоху источниками, соответствующие фрагменты путевых дневников заметно более реалистичны и ориентированы на поиск отдельных памятников, которые могут быть связаны с упомянутыми в источниках сюжетами [41]. Это же можно сказать об описаниях генуэзских древностей Балаклавы, Судака и Феодосии.

Параллели с образом Мангупа в записках этого времени составляют, думается, описания Инкермана и, как это не удивительно, Старого Крыма. Пещерные монастыри в Инкерманских скалах моментально превратились в одну из крымских достопримечательностей, которую посещали большинство прибывших на полуостров. В их трудах пещерные помещения совершенно заслонили развалины Каламитской крепости на вершине Монастырской скалы. Путешественникам было ясно, что пещерные сооружения Инкермана относятся к христианской эпохе, но, не зная исторических деталей, они создавали более или менее фантастические суждения о том, при каких обстоятельствах были сооружены пещерные церкви и кельи [см.: 42, с. 368-373; ср.: 49, с. 456-460]. Кроме того, описания Мангупа с их нередко фантастическими деталями и смелым полетом фантазии напоминают рассказы о посещении Старого Крыма, в ту пору полуразрушенного городка, где лишь развалины мусульманских сооружений свидетельствовали о былом их величии. Несмотря на то, что это был памятник другой культуры, созданной Золотой Ордой и Крымским Ханством, он, благодаря почти полному отсутствию соответствующих исторических знаний, стимулировал фантазии путешественников и заставлял их, к примеру, искать здесь связи с античным прошлым и предаваться сентиментальным мечтаниям [см.: 47].

Пример Мангупа показывает, как идеи и принципы, рожденные в разных культурных и временных обстоятельствах, продолжали жить уже в иные исторические периоды, зачастую приобретая новое звучание. Через несколько десятилетий после описываемых событий, когда началась Восточная (Крымская) война 1853-1856 гг., в очередной раз привлекая внимание Европы к далекому полуострову, побывавший в Крыму в составе союзных войск священник Томас Милнер опубликовал собственные очерки Крыма. Рассказывая о Мангупе, он заметил: *«говорят, что во время российского завоевания последний татарский отряд укрылся в Мангуп-Кале»* [75, р. 48]. Как видим, легенды продолжали возникать, а необычный облик плато стимулировал

творчество местных жителей. Традиция, созданная авторами конца эпохи Просвещения — начала эпохи Романтизма, оказалась удивительно стойкой. Так, представления о родстве и преемстве между сменявшимися в Крыму народами — таврами, скифами, сарматами, готами и другими, — предполагавшие, что их пребывание в одном и том же географическом регионе важнее, например, языковых связей, сохранялись в научном дискурсе вплоть до второй половины XX в. [см.: 59]. До настоящего времени в популярной литературе и на разнообразных Интернет-сайтах, посвященных «тайнам истории», можно отыскать рассказы о следах «всемирного потопа» в Крыму. Подобные рассуждения можно встретить и в изданиях, декларирующих научный характер, причем собранные далекими предшественниками сведения их авторы пытаются соединить с результатами естественнонаучных исследований [например: 38, с. 36-58].

Таким образом, мозаика идей, родившихся в сознании людей конца XVIII — начала XIX в., положила начало традиции научного изучения памятников Мангупа, а также сделала городище популярным предметом псевдоисторических штудий и, в конечном итоге, внесла свой вклад в формирование романтического образа памятника, сегодня привлекающего к нему многочисленных исследователей и туристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ададулов В. В. «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку XIX століття. Львів: УКУ, 2007. 560 с.
2. Белик Ю. Л. Оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII-XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.
3. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003. 226 с.
4. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. И. И. Федюкин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с.
5. [Габлиц К.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних времен писателей, с тремя картами. СПб.: Типография Государственной медицинской коллегии, 1803. 52 с.
6. [Габлиц К.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // Отечественные записки. 1822. № 22: февраль. С. 158-163.
7. Гераков Г. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820-го и 1821-го. Петроград: Типография Н. Греча, 1830. 231 с.
8. Герцен А. Г. Мангуп — город в крымском поднебесье. Симферополь: Таврия, 2007. 64 с.
9. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX вв.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 212-256.
10. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа в конце X — XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X-XI вв. М.: Киммерийский центр, 2015. С. 433-481.
11. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 2. СПб.: Нотабене, 1999. 617 с.
12. Гро Д. Россия глазами Европы: 300 лет исторической перспективы // Дружба народов. 1994. № 3. С. 160-172.
13. Даниш М. Дипломат словацкого происхождения барон Франтишек Тотт при дворе крымского хана Гирея // Запад — Восток. 2015. № 8. С. 35-48.
14. Екатерининский Петербург глазами иностранцев. Неизданные письма 1770-х годов / сост. А. Н. Спащанский. СПб.: Паритет, 2013. 288 с.
15. Заморяхин А. В. Ранний период изучения области расселения крымских готов (конец XVIII — 30-е гг. XIX в.) // Вестник Пермского университета. История и политология. 2007. Вып. 3(8). С. 149-160.
16. [Зуев В. Ф.] Выписка из путевых записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 265-303.

17. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. Изд-е 2-е. Ч. 3. М.: Типография Христоф. Клаудия, 1805. 142 с.
18. Караулов Г. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 39-108.
19. Качарава Д., Квирквелия Г. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси: Мецниереба, 1991. 656 с.
20. Кеппен П. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1837. 409 с.
21. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. Н. Г. Беспятых, Ю. Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
- 21а. Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Том 2: март. С. 155-201.
22. Марков Е. Л. Очерки Крыма. Киев: Стило, 2006. 512 с.
23. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
24. [Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 336 с.
25. Нарушевич А. Таврикия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времен. Киев: Типография Академии киевской, 1788. 172 с.
26. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. В. Б. Литвинов, И. А. Пильчиков. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
27. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / пер. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М.: Наука, 1999. 246 с.
28. Пензер Н. Гарем. История. Традиции. Тайны / пер. О. И. Милова. М.: Центрполиграф, 2005. 303 с.
29. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и Готская проблема // ИГАИМК. 1932. Т. XII. Вып. 1-8 (Готский сборник). С. 5-106.
30. Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801-1812 гг. М.: Наука, 1966. 200 с.
31. Слэзкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 120-154.
32. Строев А. Россия глазами французов XVII — начала XIX века // Логос. 1999. № 8. С. 8-41.
33. Сумароков П. [И.] Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.: Императорская типография, 1805. 244 с.
34. [Тизенгаузен В. Г.] О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 363-403.
35. Толочко А. [П.] Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. Киев: Laugus, 2012. 256 с.
- 35а. Третьяк А. «Lettres sur Odessa» Шарля Сикара // Дерибасовская — Ришельевская: одесский альманах. 2010. № 43. С. 6-19.
36. Тункина И. В. Позднескифские памятники Симферополя (открытия на Керменчике в 1784-1831 гг.) и их интерпретация в современной археологии // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелева. Курск: КГМУ, 2014. С. 295-343.
37. Тунманн [И.-Э.] Крымское ханство / пер. Н. Л. Эрнст, С. Л. Белявская. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.
38. Фадеева Т. М. Сакральная география Крыма. Очерки. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 221 с.
39. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
40. Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александер Дж. Россия глазами иностранца / пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 397-405.
41. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX вв. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 595-630.
42. Храпунов Н. И. Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX вв. // Климентовский сборник. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 366-383.
43. Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник 2014. Т. 2: Франция и Восток. М., 2014. С. 63-101.
44. Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик — предполагаемого скифского Неаполя // Археология и история Крыма. Симферополь, 2015. Вып. II. С. 461-469.
45. Храпунов Н. И. Взгляд извне: британский поэт и путешественник Реджинальд Хебер о состоянии Крыма в 1806 г. // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 252-273.
46. Храпунов Н. И. Крымские древности глазами Эдварда-Даньела Кларка: от археологии к идеологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3(154). С. 116-132.
47. Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII — начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 4. С. 832-860.
48. Храпунов Н. И. Размышления о Крыме в контексте мировой политики в трудах путешественников рубежа XVIII-XIX вв. // Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX-XXI вв. Ливадия, 2016. С. 173-184.
49. Храпунов Н. И. Между Византией и Русью: история и археология Крыма глазами интеллектуалов конца XVIII — начала XIX века // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Laugus, 2017. С. 448-463.
50. Храпунов Н. И. Французский дипломат Жан Рёйи, история черноморской торговли и проекты экономического развития Крыма в начале XIX в. // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения. Керчь, 2017. С. 592-597.
51. Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. Вып. 44 (в печати).
52. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 395-430.
53. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157-170.
54. Шаманаев А. В. Охрана археологических памятников «пещерных городов» Крыма в XIX — начале XX в. // АДСВ. 2008. Вып. 38. С. 297-313.
55. Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790-1804 / пер. Л. Соловьёв. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.
56. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / пер. Е. В. Бахревский. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
57. Эко У. История иллюзий. Легендарные места, земли и страны / пер. А. А. Сабашников. М.: Слово, 2014. 480 с.
58. Эрнст Н. Л. Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. III. С. 15-43.
59. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос. Симферополь: Сонат, 2007. 496 с.
60. Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. I. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. 308 p.
61. Campenhausen [B., von]. Bemerkungen über Rußland. Leipzig: Friedrich Christian Dürr, 1807. 199 S.
62. [Caraman V. L. Ch., de. Journal d'un voyage en Crimée] // Journal des débats politiques et littéraires. Samedi 23 septembre. 1854. P. 2-3.
63. [Castelnau G., de]. Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie. Т. III 2nd ed. Paris: Rey et Gravier, 1827. 347 p.
64. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1817. 524 p.
65. [Craven E.] A journey through the Crimea to Constantinople in a series of letters... London: G. G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.
66. Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux... Т. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
67. Dehérain H. La mission du Baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du Khan de Crimée de 1767 à 1769 // Revue de l'histoire des colonies françaises. 1923. Т. 15. P. 2-32.

68. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée... Vol. VI. Paris: Librairie de Gide, 1843. 461 p.
69. Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. 304 p.
70. Evliyá Efendí. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century / tr. J. von Hammer. London: Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1846. 186 p.
71. Formaleoni [V. A.] Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la mer-Noire... T. I-II. Venise: Charles Palese, 1789. 240 + 283 pp.
72. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea... London: T. Cadell, Jun. and W. Dawies, 1802. 446 p.
73. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London: James Nisbet, 1836. 538 p.
- 73a. Lettres d'un voyageur dans les provinces méridionales de Russie // Bibliothèque Britannique... T. 40. Genève, 1809. P. 81-111, 348-360, 477-501.
74. Marcin Broniewski. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii / Red. M. Mączyńska. Łódź: SNAP, 2011. 116 s.
75. Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars... London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
76. [Motraye A., de la] A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. II. London, 1723. 432 p.
77. [Motraye A., de la] Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique. T. 2. La Haye: T. Johnson & J. van Duren, 1727. 496 p.
78. Oderico G. L. Lettere Ligustiche, ossia Osservazioni Critiche Sullo Stato Geographico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande, con le memorie storiche di Caffa... Bassano, 1792. 214 p.
79. Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 S.
80. Peyssonnel [Cl. Ch., de] Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine. Paris: N. M Tilliard, 1765. 364 p.
81. Peyssonnel [Cl. Ch., de] Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott. Maestricht: J. E. Dufour & Ph. Rou, 1785. 133 p.
82. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
83. Ruffin [P.] Lettre de M. le baron de Tott, etc. // Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. T. 2. Amsterdam, 1785. P. 1-32 [Appendice].
84. Sestrenczewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick: Pierre-François Fauche et Comp., 1800. 368 p.
85. [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. 1786. Vol. LVI. Pt. 2. P. 547-552, 643-648, 846-851, 921-924, 1013-1015.
86. [Tott F., de] Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares. Pt. 1-2. Amsterdam, 1785. 220 p.

REFERENCES

1. Adadurov V. V. «Napoleonida» na skhodi Evropi: uivlennia, proekti ta diial'nist' uriadu Frantsii shchodo pivdenno-zakhidnikh okraïn Rosiis'koï imperii na pochatku XIX stolittia, Lviv, 2007, 560 p.
2. Belik Iu. L. Osmanskije oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII-XVIII vv.), Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Publ., 2016, 236 p.
3. Bushakov V. A. Leksichnii sklad istorichnoi toponimii Krimu, Kiev, 2003, 226 p.
4. Wolff L. Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003, 548 p.
5. [Hablitz C.] Geograficheskie izvestiia, sluzhashchie k ob'iasneniiu prezhnego sostoiianiia nyneshnei Tavricheskoi gubernii, sobrannye iz raznykh drevnikh vremen pisatelei, s tremia kartami, S-Petersburg, Tipografiia Gosudarstvennoi meditsinskoi kollegii Publ., 1803, 52 p.
6. [Hablitz C.] Iz'iasnenie plana razvalin drevnego Khersona. Otechestvennye zapiski, 1822, vol. 22, pp. 158-163.

7. Gerakov G. Prodolzhenie putevykh zapisok po mnogim rossiiskim guberniiam, 1820-go i 1821-go, Petrograd, Tipografiia N. Grecha, 1830, 231 p.
8. Gertsen A. G. Mangup — gorod v krymskom podnebes'e, Simferopol', Tavriia Publ., 2007, 64 p.
9. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI — nachalo XX vv.). Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik, 2008, vol. 3, pp. 212-256.
10. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Kherson i ego okrug v kontse X-XI vv. «Peshchernye goroda». Russkii istoricheskii sbornik: Srednevekovyi Kherson X-XI vv., Moscow, Kimmeriiskii tsentr Publ., 2015, pp. 433-481.
11. Griboedov A. S. Polnoe sobranie sochinenii v trekh tomakh, vol. 2, S-Petersburg, Notabene Publ., 1999, 617 p.
12. Gro D. Rossiia glazami Evropy: 300 let istoricheskoi perspektivy. Druzhba narodov, 1994, vol. 3, pp. 160-172.
13. Danish M. Diplomatskoe slovoizmeneniie barona Frantishka Totta pri dvore krymskogo khana Gireia. Zapad — Vostok, 2015, vol. 8, pp. 35-48.
14. Spashchanskii A. N. (ed.). Ekaterininskii Peterburg glazami inostrantsev. Neizdannye pis'ma 1770-kh godov, S-Petersburg, Paritet Publ., 2013, 288 p.
15. Zamoriakhin A. V. Rannii period izucheniia oblasti rasseleniia krymskikh gotov (konets XVIII — 30-e gg. XIX v.). Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia i politologiya, 2007, vol. 3(8), pp. 149-160.
16. [Zuev V. F.] Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ia Zueva, kasaiushchikhsia do poluostrova Kryma. 1782 goda. Sobranie sochinenii, vybrannykh iz Mesiatseslovov na raznye gody, S-Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1790, pp. 265-303.
17. Izmailov V. Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu, 2nd ed., vol. 3, Moscow, Tipografiia Khristof. Klavdiia, 1805, 142 p.
18. Karaulov G. Krymskie peshchernye goroda i kripty. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, 1872, vol. 8, pp. 39-108.
19. Kacharava D., Kvirkeveliia G. Goroda i poseleniia Prichernomor'ia antichnoi epokhi. Mali entsiklopedicheskii spravochnik, Tbilisi, Metsniereba Publ., 1991, 656 p.
20. Keppen P. Krymskii sbornik. O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh, S-Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1837, 409 p.
21. Cross A. Britantsy v Peterburge. XVIII vek, S-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, 526 p.
- 21a. Ludolf, de. Pis'ma o Kryme. Russkoe obozrenie, 1892, vol. 2, pp. 155-201.
22. Markov E. L. Ocherki Kryma, Kiev, Stilos, 2006, 512 p.
23. Montesquieu Ch. L. O dukhe zakonov, Moscow, Mysl' Publ., 1999, 672 p.
24. [Murav'ev-Apostol I. M.] Puteshestvie po Tavride v 1820 godu, S-Petersburg, Tipografiia pri Osobennoi kantseliarii Ministerstva vnutrennikh del, 1823, 336 p.
25. Narushevich A. Tavriiia, ili izvestiia drevneishie i noveishie o sostoianii Kryma i ego zhitelei do nashikh vremen, Kiev, Tipografiia Akademii kievskoi, 1788, 172 p.
26. Noimann I. Ispolzovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 336 p.
27. Pallas P. S. Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh, Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
28. Penzer N. Gareem. Istoriia. Traditsii. Tainy, Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2005, 303 p.
29. Ravdonikas V. I. Peshchernye goroda Kryma i Gotskaia problema. Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'ni kul'tury, 1932, vol. 12/1-8, pp. 5-106.
30. Sirotkin V. G. Duel' dvukh diplomatii. Rossiia i Frantsiia v 1801-1812 gg., Moscow, Nauka Publ., 1966, 200 p.
31. Slezkin Iu. Estestvoispytateli i natsii: russkie uchenye XVIII veka i problema etnicheskogo mnogoobrazii. Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let, Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 120-154.
32. Stroev A. Rossiia glazami frantsuzov XVII — nachala XIX veka. Logos, 1999, vol. 8, pp. 8-41.
33. Sumarokov P. [I.] Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu, vol. 2, S-Petersburg, Imperatorskaia tipografiia, 1805, 244 p.
34. [Tizengauzen V. G.] O sokhraneni i vozobnovlenii v Krymu pamiatnikov drevnosti i ob izdaniia opisaniia i risunkov onykh. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei, 1872, vol. 8, pp. 363-403.

35. Tolochko A. *Kievskaja Rus' i Malorossija v XIX veke*, Kiev, Laurus Publ., 2012, 256 p.
- 35a. Tret'jak A. «Lettres sur Odessa» Charl'ya Sikara. *Deribasovskaia — Rishel'evskaia: odesskii al'manakh*, 2010, vol. 43, pp. 6-19.
36. Tunkina I. V. Pozdneskifskie pamiatniki Simferopolia (otkrytiia na Kermenchike v 1784-1831 gg.) i ikh interpretatsiia v sovremennoi arkheologii. *Grani gumanitarnogo znaniia. Sbornik statei k 60-letiiu professora Sergeia Pavlovicha Shchaveleva*, Kursk, 2014, pp. 295-343.
37. Thunmann [J.-E.] *Krymskoe khanstvo*, Simferopol, Tavriia Publ., 1991, 96 p.
38. Fadeeva T. M. *Sakral'naia geografiia Kryma. Ocherki*, Simferopol, Biznes-Infom Publ., 2010, 221 p.
39. Formozov A. A. *Pushkin i drevnosti. Nabludeniia arkheologa*, Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, 144 p.
40. Khrapunov N. I. Drugaia nikolaevskaia Rossiia, ili polemika travelogov. Review of: Alexander J. Rossiia glazami inostrantsa. *Ab Imperio*, 2011, vol. 2, pp. 397-405.
41. Khrapunov N. I. Khersones v opisaniakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. 17, pp. 595-630.
42. Khrapunov N. I. Khristianskie pamiatniki Khersonesa i okrestnostei v opisaniakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX vv. *Iashaeva T. (ed.), Klimentovskii sbornik*, Sevastopol, Teleskop Publ., 2013, pp. 366-383.
43. Khrapunov N. I. Zapiski Zhil'bera Romma o Kryme: arkheologicheskii kommentarii. *A. Tchoudinov (ed.), Frantsuzskii ezhegodnik 2014, vol. 2: Frantsiia i Vostok*, Moscow, 2014, pp. 63-101.
44. Khrapunov N. I. Nekotorye novye dannye o nachale issledovaniia gorodishcha Kermenchik — predpolagaemogo skifskogo Neapolia. *V. V. Maiko (ed.), Arkheologiia i istoriia Kryma*, Simferopol, 2015, vol. 2, pp. 461-469.
45. Khrapunov N. I. Vzgljad izvne: britanskii poet i puteshestvennik Redzhinal'd Kheber o sostoianii Kryma v 1806 g. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*, 2015, vol. 3, pp. 252-273.
46. Khrapunov N. I. Krymskie drevnosti glazami Edvarda-Dan'ela Klarka: ot arkheologii k ideologii. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18/3, pp. 116-132.
47. Khrapunov N. I. Staryi Krym i ego pamiatniki glazami puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX veka. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2016, vol. 4/4, pp. 832-860.
48. Khrapunov N. I. Razmyshleniia o Kryme v kontekste mirovoi politiki v trudakh puteshestvennikov rubezha XVIII-XIX vv. *Ialta 45: uroki istorii. Krym v istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v XIX-XXI vv.*, Livadia, [n. p.], 2016, pp. 173-184.
49. Khrapunov N. I. Mezhdru Vizantiei i Rus'iu: istoriia i arkheologiia Kryma glazami intelektualov kontsa XVIII — nachala XIX veka. *A. Tolochko (ed.), Kul'turnii shar. Stati na poshanu Gliba Iuriiovicha Ivakina*, Kiev, Laurus Publ., 2017, pp. 448-463.
50. Khrapunov N. I. Frantsuzskii diplomat Zhan Reii, istoriia chernomorskoj torgovli i proekty ekonomicheskogo razvitiia Kryma v nachale XIX v. *V. N. Zin'ko (ed.), XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti — tovary — otnosheniia*, Kerch, 2017, pp. 592-597.
51. Khrapunov N. I. Vizantiiskii Kherson i Ekaterina Velikaia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, vol. 44 (in press).
52. Khrapunov N. I., Gin'kut N. V. Krym v 1784 g. po svidetel'stvu frantsuzskogo puteshestvennika barona de Bara. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. 20, pp. 395-430.
53. Khrapunov N. I., Gin'kut N. V. Matt'iu Gatri i ego «puteshestvie» v istoriiu Kryma. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, vol. 4, pp. 157-170.
54. Shamanaev A. V. Okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov «peshchernykh gorodov» Kryma v XIX — nachale XX v. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2008, vol. 38, pp. 297-313.
55. Schönle A. *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoi literatury puteshestvii, 1790-1804*, S-Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 271 p.
56. Bakhrevskii E. V. (tr.). *Evliia Celebi. Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti*, Simferopol, Dolia, 2008, 272 p.
57. Eko U. *Istoriia illiuzii. Legendarnye mesta, zemli i strany*, Moscow, Slovo Publ., 2014, 480 p.
58. Ernst N. L. Eski-Kermen i peshchernye goroda Kryma. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1929, vol. 3, pp. 15-43.
59. Iurochkin V. Iu. *Gotskii vopros*. Simferopol', Sonat Publ., 2007, 496 p.
60. Alexander J. E. *Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829, vol. 1*, London, Henry Colburn and Richard Bentley Publ., 1830, 308 p.
61. Campenhausen [B., von] *Bemerkungen über Rußland*, Leipzig, Friedrich Christian Dürr, 1807, 199 p.
62. [Caraman V. L. Ch., de. Journal d'un voyage en Crimée]. *Journal des débats politiques et littéraires*, Samedi 23 septembre, 1854, pp. 2-3.
63. [Castelnau G., de]. *Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie, vol. 3, 2nd ed.*, Paris, Rey et Gravier Publ., 1827, 347 p.
64. Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey*, 4th ed., vol. 2, London, T. Cadell and W. Davies Publ., 1817, 524 p.
65. [Craven E.] *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters...*, London, G. G. J. and J. Robinson Publ., 1789, 327 p.
66. Deguignes [J.] *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux...*, vol. 3, Paris, Desaint & Saillant Publ., 1757, 542 p.
67. Dehérain H. La mission du Baron de Tott et de Pierre Ruffin auprès du Khan de Crimée de 1767 à 1769. *Revue de l'histoire des colonies françaises*, 1923, vol. 15, pp. 2-32.
68. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...*, vol. 6, Paris, Librairie de Gide Publ., 1843, 461 p.
69. Eisner R. *Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece*, Ann Arbor, University of Michigan Press, 1993, 304 p.
70. Hammer J., von (tr.). *Evliya Efendi. Narrative of Travels in Europe, Asia, and Africa, in the Seventeenth Century*, London, Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland Publ., 1846, 186 p.
71. Formaleoni [V. A.] *Histoire philosophique & politique du commerce, de la navigation, et des colonies des anciens dans la mer-Noire...*, vol. 1-2, Venise, Charles Palese Publ., 1789, 240 + 283 pp.
72. Guthrie M. *A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea...*, London, T. Cadell, Jun. and W. Dawies Publ., 1802, 446 p.
73. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia...*, London, James Nisbet Publ., 1836, 538 p.
- 73a. Lettres d'un voyageur dans les provinces méridionales de Russie. *Bibliothèque Britannique... T. 40*, Genève, 1809, pp. 81-111, 348-360, 477-501.
74. Mączyńska M. (ed.). *Marcin Broniewski. Tartariae Descriptio. Opis Tatarii*, Łódź, 2011, 116 p.
75. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars...*, London, Longman, Brown, Green, and Longmans Publ., 1855, 368 p.
76. [Motraye A., de la] *A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa*, vol. 2, London, 1723, 432 p.
77. [Motraye A., de la] *Voyages du Sr. A. de la Motraye, en Europe, Asie & Afrique*, vol. 2, La Haye, T. Johnson & J. van Duren Publ., 1727, 496 p.
78. Oderico G. L. *Lettere Ligustiche, ossia Osservazioni Critiche Sullo Stato Geographico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande, con le memorie storiche di Caffa...*, Bassano, 1792, 214 p.
79. Pallas P. S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, vol. 2, Leipzig, Gottfried Martini Publ., 1801, 525 p.
80. Peyssonnel [Cl. Ch.], de. *Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords de Danube & du Pont-Euxine*, Paris, N. M. Tilliard Publ., 1765, 364 p.
81. Peyssonnel [Cl. Ch.], de. *Observations critiques sur les mémoires de M. le baron de Tott*, Maestricht, J. E. Dufour & Ph. Rou Publ., 1785, 133 p.
82. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* Paris, Bossange, Masson et Besson Publ., 1806, 302 p.
83. Ruffin [P.] Lettre de M. le baron de Tott, etc. *Mémoires du Baron de Tott sur les Turcs et les Tartares*, vol. 2, Amsterdam, 1785, pp. 1-32 [Appendix].
84. Sestrencewicz de Bohusz S. *Histoire de la Tauride*, vol. 1, Brunswick, Pierre-François Fauche et Comp. Publ., 1800, 368 p.

85. [Tooke W. *Original Correspondence from Russia*]. The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle, 1786, vol. 56/2, pp. 547-552, 643-648, 846-851, 921-924, 1013-1015.
 86. [Tott F., de]. *Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares*, vol. 1-2, Amsterdam, 1785, 220 p.

Храпунов Н. И.

**Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII — начала XIX вв.:
исследования и иллюзии**
Резюме

В статье рассматриваются некоторые особенности восприятия Мангупа и его прошлого в первые десятилетия после присоединения Крыма к России. В то время данные об истории Мангупа были до крайности ограничены, потому развалины крепости на вершине затерянной в крымской глуши горы представляли собой загадку. На примере описаний этого памятника можно продемонстрировать особенности сознания эпохи, переходной от Просвещения к Романтизму, показать, как возникали и функционировали некоторые стереотипы восприятия Крыма и его прошлого, и в какой интеллектуальной обстановке, по существу, начиналось научное изучение истории и археологии юга России.

Ключевые слова: Мангуп, Крым, записки путешественников, история исследований, воображаемая география, интеллектуальная история.

Khrapunov N. I.

**Ancient Site of Mangup in the Works of Travellers
from the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: Researches and Illusions**
Summary

This paper addresses the aspects of perception of Mangup and its past, which developed in the first decades following the Russia's appropriation of the Crimea. In this period only a very few accounts of the history of Mangup were known, and therefore the ruined castle atop a mountain lost in Crimean wilderness became a riddle for visitors. The descriptions of the site demonstrate the features of the mind at the transition from the Enlightenment to Romanticism, uncover how stereotypes of the Crimea and its past originated and functioned, and show the intellectual setting of the early scholarly researches in history and archaeology of South Russia.

Keywords: Mangup, Crimea, travelogues, history of researches, imagined geographies, intellectual history.

И. В. ТУНКИНА

**МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПА:
АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Е. Е. КЁЛЕРА 1821 г.**

История посещений путешественниками городища Мангуп-Кале, которое отождествляется с поздневизантийским городом Феодоро и, возможно, со средневизантийским Доросом [7], насчитывает не одну сотню лет [5; 10]. Но мало кто знает, что изучение археологии Крыма, в том числе и Мангупа, и начало фиксации остатков древнего культурного ландшафта Тавриды началось с приказов светлейшего князя Григория Александровича Потемкина (1739-1791).

Первые рукописные планы Мангупа были составлены военными топографами еще до присоединения Крыма к Российской империи. В целях комплексного научного изучения новых земель князь Г. А. Потемкин распорядился снять в Крыму все «достойные примечания виды и старинные здания с нужною в округе их сетуациею, тож и в фасаде» (1777 г.), чтобы «наилучшим образом» показать древние развалины. В конце 1782 г. он поручил полковнику Херсонского пикинерного полка И. М. Синельникову и надворному советнику Павлу Неверовскому изучить Новороссийские земли, сделать их описание и снять планы «всех важнейших мест». В начале 1784 г. князь Г. А. Потемкин приказал описать все крымские города и крепости, в том числе руины Мангупа, Херсонеса, Инкермана, Чуфут-Кале и др. Уже 16 февраля 1784 г. командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами в Черном и Каспийском морях генерал-поручик барон И. А. Игельстром распорядился направить офицеров Генерального штаба для описания дорог, мостов, колодцев, фонтанов, деревень и городов, расположенных в Крыму. Офицерам вменялось в обязанность учитывать все «достойные внимания здания» (в том числе руины), составить планы и чертежи, а также сделать описания с «историческими примечаниями здешних стариков и ученых» о древностях. До нас дошли рапорты и письма 1784 г. обер-квартирмейстера подполковника Патрекеева генерал-поручику барону И. А. Игельstromу о ходе описания крымских «дорог с околележащих по ним мостов, колодцев, фонтанов» и об описаниях «назначений или мест Крымского полуострова с приобщением исторических примечаний здешних стариков и ученых», каждое из которых иллюстрировалось «планами и фасадами». В том же 1784 г. Г. А. Потемкин поручил провести работы по обмежеванию и составлению карт Таврической области военным топографам Генерального штаба обер-квартирмейстерам Афанасию Федорову, фон Тизенгаузену, капитану Андрею Шостаку, поручикам Семену Тюреминкову, Христофору Саковичу, Ивану Казарину, работы которых проводились до июля 1786 г. Тогда же были составлены первые карты с попытками локализации античных и средневековых городов, известных по письменным источникам, выполнены планы развалин Херсонеса, Инкермана, Балаклавы и пр., зафиксировавшие систему обороны и фундаменты христианских храмов, видимых на поверхности земли. Приказы светлейшего князя о сборе артефактов (памятников эпиграфики, нумизматики и